

Л. Б. КАМЕНЕВ

ЛОНДОНСКИЙ
СЪЕЗД
Р. С. Д. Р. П.

1907
г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ПРОЛЕТАРИИ"

Л. Б. КАМЕНЕВ

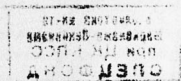
X

ЕН/41

1 721

ЛОНДОНСКИЙ СЪЕЗД

Р.С.-Д.Р.П. 1907 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРОЛЕТАРИЙ“

1925

4030с.1

(1290/217)

211

К.

ЕН141
Л721

Типо-цинкография

„ПРОЛЕТАРИЙ“

Харьков, Пушкинская ул., № 40.

БИБЛИОТЕКА

Им-та марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС

1058369

~~ср
4444~~

~~Б. библиотеки им-та
Марксизма-Ленинизма
при ЦК КПСС
СПЕЦФОНД~~

Зак. № 357

Тир. 10.000

Лондонский С'езд Российской С.-Д. Рабочей Партии 1907 г. ¹⁾

(30 апреля—19 мая ст. ст.).

1. Общая картина с'езда.

Есть в России распространенная игра: на землю, вытянув перед собой ноги, садятся двое „борцов“, подошвы их соприкасаются, и, схватившись за руки, они всячески стараются перетянуть друг друга. Эти борцы встают передо мной всякий раз, когда я пытаюсь восстановить перед собой общую картину последнего, пятого по счету, с'езда р. с.-д. р. п.— Незавидная картина.

Но в самом деле, переберите в памяти все предыдущие с'езды: II, III „большевистский“ с'езд

¹⁾ Статья о Лондонском с'езде написана под непосредственным впечатлением с'езда, через несколько недель после его окончания, — в начале июня 1917 г., — для издававшегося тогда в Петербурге большевистского журнала „Вестник Жизни“ (см. „Вестник Жизни“, № 6, июнь 1907 г.). В своей полемической части статья была направлена, главным образом, против так называемого „центра“, идейным выразителем которого был тогда стоявший вне обеих боровшихся фракций тов. Троцкий. Тов. Троцкий ответил в следующей же книжке „Вестника Жизни“ статьей „Мораль Лондонского с'езда“, мой ответ на которую не появился в свет вследствие прекращения журнала. Оценке с'езда, кроме этих двух

и меньшевистскую „конференцию“, IV, названный объединенным, — и для каждого из них вы сразу найдете его характерную черту, то, что делало „эпоху“ в жизни партии. И II, на котором разработана была программа партии, который был первым шагом ее на пути разрыва с „кружковщиной“ и „кустарничеством“, и III—этот генеральный смотр идейного багажа партии накануне решительных событий 1905 г., и IV—объединительный, умудренный опытом пережитых битв, арена столкновений „двух тактик“, с'езд, на котором партия стояла перед задачей наметить первые шаги на „парламентском“ поприще—все это легко и стройно укладывается в схему развития пролетарской партии. Последний, Лондонский с'езд войдет в эту схему лишь некоторыми своими частями.

С'езд собирался и работал под знаком „критики“. Для этого было достаточно причин, которые вводили в порядок дня критику не схем, не теоретических, в срок заготовленных положений, а критику практических шагов.

статей, посвящены были: большевистский сборник „Итоги Лондонского с'езда“ (СПб. 1907 г.) со статьями Н. Ленина, В. Ногина, Г. Зиновьева, М. Лядова и др., брошюры Череванина и Дана. Большой том протоколов с'езда вышел только в 1910 году в Париже. Плеханов издал свои речи на с'езде отдельной брошюрой с громоздким предисловием против большевиков под заглавием „Мы и они“.

Из фактов, которые не были мною отмечены в перепечатываемой статье, можно теперь отметить, что на последнем заседании большевистской фракции с'езда, уже после закрытия с'езда для руководства дальнейшей работой большевиков был избран

С апреля 1906 г. и по апрель 1907 г. партия под руководством центральных учреждений, созданных „меньшевистским“ большинством на объединительном с'езде, работала на новой, до того времени совершенно чуждой ей арене.

Партия вступила на путь „парламентской деятельности“, создала „парламентскую“ фракцию, вела избирательную кампанию, выставяла собственных кандидатов и входила в соглашения... И все это среди непрекращавшихся споров, „дискуссий“, на фоне непрерывного роста числа членов партии.

Все это надо было оценить, учесть, во всем этом надо было разобраться, и все это шире и шире развертывало пропасть между тенденциями большевиков и меньшевиков, все это требовало в то же время сговора...

Критика, направленная к тому, чтобы обезвредить в дальнейшем ту часть партии, которая в предыдущий период вела, вернее, тащила за собой партию на ее новом пути, — такова была практическая задача большевиков.

так называемый БЦ (большевистский центр), в дальнейшем игравший роль ЦК большевиков.

Лондонский с'езд 1907 г. был последним с'ездом партии эпохи первой русской революции: следующий с'езд собрался только через 10 л. в 1917 г. Он был также последним, на котором присутствовали меньшевики: меньшевики фактически покинули партию в эпоху контр-революции и не присутствовали на конференции 1912 г., которую собрали большевики, чтобы восстановить ослабленную бешеными репрессиями царизма и преданную меньшевиками партию.

Критика, направленная к тому, чтобы добиться соглашения, компромисса, критика, направленная направо, к меньшевикам, за их ошибки, и налево к большевикам, за их „нетактичное“, „неумеренное“, „прямолинейное“ вскрывание этих ошибок—такова была позиция так называемого „центра“.

Эта внутренне-противоречивая позиция центра и определила собой всю работу с'езда за первые две недели его заседаний. Эта работа не может быть названа предварительной, ибо отняла чуть ли не $\frac{1}{2}$ или даже $\frac{3}{4}$ времени у с'езда, но ее нельзя назвать и положительной, практической политической работой сравнительно с массой энергии и силы, на нее затраченной. Критиковали, оценивали, взвешивали пройденный путь, все: большевики и бундовцы, поляки и латыши. Но закрепить эту критику, сделать из нее достояние партии, а не с'езда только, пустить ее в оборот, перечеканить, так-сказать, речи с'ездовских ораторов в ходкую монету резолюций с'езда, сделать эту критику отправной точкой развития всех членов партии к этому стремились только большевики, и в этом чаще всего, почти постоянно, оставались в одиночестве. Все остальные группы делегатов, не говоря уже о меньшевиках, больше всего боялись именно этих результатов с'ездовских разговоров.

Большевики, бывшие застрельщиками критической кампании и нашедшие в этой работе сочувственную аудиторию среди центра, все время пытаются сделать из этой критики партийного опыта, из годовой демонстрации применения „меньшевистской“ тактики

к жизни—партийное достояние, точно и ясно перечисляя и формулируя в своих резолюциях о деятельности Центрального Комитета и социал-демократической фракции II Гос. Думы их неверные шаги. Пробежав эти внесенные на с'езд большевиками резолюции ¹⁾, всякий сразу увидит, что здесь нет ни малейшей попытки из прошлогодних ошибок „меньшевизма“ создать сегодняшний триумф „большевизма“. Ничего подобного. Сумма этих резолюций есть объективно мера того уклонения от пролетарской политики, которое было не плодом меншевистской непокорности, а результатом неверных, а следовательно, и вредных представлений о ходе пролетарской борьбы. Эти представления не выдержали испытаний жизни, и *это* должен был сказать с'езд той массе, которая его выбрала.

Именно *это* и должен был сказать с'езду.

Но этого не позволяла с'езду сказать та сила, которая имела возможность „вязать и решать“, куда оставалась едина,—центр. Во имя чего? Во имя единства партии, конечно, во имя мира в партии, во имя „поднятия партийной культуры“, как выразился лидер центра, т. Троцкий.

Во имя принципа партийного единства уничтожали возможность реального единения партии на почве критического отношения к пройденной ступени ее развития. Во имя поднятия „партийной культуры“

¹⁾ Резолюции эти теперь перепечатаны в сборнике „РКП в резолюциях ее с'ездов и конференций“. Госиздат. 1924 г.

среди делегатов забывали о задачах развития критической мысли среди широкой партийной массы.

„Центр“ с'езда, полагая, что он является носителем примерения и единства, фактически, объективно противопоставил эту идею интересам дальнейшего развития партии.

Боясь сыграть в руку фракционным интересам „большевизма“ центр еще не понимал, что, работая в том направлении накопления и оценки партийного опыта, куда звали его большевики, он работал бы именно в интересах партии и лишь постольку в интересах „большевизма“, поскольку эти интересы отражают интересы партийного развития. Покуда же он работал в *фракционных* интересах „меньшевизма“, в пользу политического течения в партии, которое не нашло ни в одном вопросе (кроме вопроса о партизанских выступлениях и боевых дружинах) теоретических союзников в лице той или другой делегации.

Лишь тогда, когда с'езд перешел к положительной части своей работы, к намечанию путей дальнейшей работы партии, центр, как единое целое, исчез, рассыпался, распался направо и налево, и тогда мы слышали от одного из авторитетнейших делегатов с'езда, т. Розы Люксембург о неизбежности поддержки „большевизма“ во имя интересов революционной социал-демократии и возможности такой поддержки для товарищей, совершенно отрешившихся от *фракционных* интересов.

В нашу задачу не входит ни анализ того, как там, в глубине России, сложился центр, ни изучение того, имеются ли условия в партийной жизни, которые дали бы возможность центру и после с'езда проявить себя, как таковому. Был момент на с'езде, когда все ожидали от товарищей, расположившихся на центральной позиции, плодотворных указаний и живого руководства с'ездом: большевики звали тогда „центр“ выйти вперед и развить свою тактическую линию; по компетентному показанию одного из его лидеров, бундовца Абрамовича, оказалось, что центр покуда „сидит за деревьями“; когда же он появился „из кустов“, то оказалось, что это просто добрые люди, которые хотели дать „применение“ и „синтез“, а смогли дать лишь образчики „марксизма на вес“ и разбились по тем же линиям оппортунистов и революционных социал-демократов. Противоречие между поддержанными „центром“ фракционными интересами той части партии, которой принадлежали центральные учреждения, большинство с.-д. думской фракции, и интересами партийного развития—сделало бесплодной работу с'езда вплоть до того момента, покуда с'езд не перешел к III пункту порядка дня, к вопросу об отношении с.-д. партии к пролетарским партиям, т. е. к началу 3-й недели занятий с'езда.

Передо мной лежат 3 проекта порядка дня, предложенные „большевиками“, „меньшевиками“ и „социал-демократией Польши и Литвы“, и порядок дня, принятый с'ездом. Во всех четырех на первом месте стоят отчеты ЦК и с.-д. думской фракции.

Для всех, конечно, было ясно, что эти пункты включают в себя генеральные дебаты о политической, но надо сказать — чисто-политической борьбе. И вот только один проект (большевистский) непосредственно за этим на первую очередь выдвигает вопрос об „обострении экономической борьбы“ и, в связи с ними, тут же о „современном моменте“, подчиняя ему непосредственно следующий вопрос о „классовых задачах пролетариата“ в современный момент. Увы — это делает только большевистский проект. Все остальные проекты, а также и принятый с'ездом против голосов большевиков, — упоминают об экономической борьбе в 7 и 8 пункте порядка дня.

Ни о современном моменте, ни о задачах пролетариата, ни меньшевистский, ни принятый с'ездом порядок дня не говорят ни слова, и только польский проект вставляет, в виде уступки большевикам, „роль и задачи пролетариата в настоящий момент“.

Случайность ли это? Конечно, нет. Это только отголоски минувшего года, только отражение того взгляда на рост революции, который составляет специфическую черту меньшевизма. Это результат годичного сосредоточения всего внимания и всей энергии на вопросах, ось которых наш „парламент“.

Для большевиков было ясно, что, несмотря на лихорадочную деятельность, вертевшуюся вокруг Думы, революция уперлась в тупик, поскольку эта думская лихорадка охватила лишь политически развитые верхи массы, и даже лишь верхи политических партий. Для них было ясно, что коренная

ошибка предшествовавшего годового периода работы партии под руководством меньшевистского ЦК, заключалась в неправильном распределении ее внимания между думской и внедумской деятельностью. В проекте резолюции о ЦК, большевики прямо сказали это, внося туда пункт, констатирующий „недостаточную отзывчивость ЦК на важные проявления пролетарской борьбы“... и выставив двух ораторов, специальной задачей которых было отстоять первое место после отчетов для вопросов „экономической борьбы“.

Не только в интересах большей плодотворности работ самого съезда, но и в интересах дальнейшего роста партии было настоятельно необходимо сосредоточить внимание всей партии на вопросе внедумской борьбы пролетариата.

Весь порядок дня, предложенный большевиками, практически, несмотря на свою внешнюю „теоретичность“, был призывом сосредоточиться на интересах „улицы“ и там искать исхода и для революции, и для партии. И, действительно, только этот путь дал бы возможность съезду развернуть широкую и плодотворную работу.

Внедумская борьба пролетариата единственный источник сил, как революции, так и с.-д. партии, и только прикосновение к этому источнику, только работа над вопросами этой борьбы могла бы заполнить деятельность съезда действительно важным содержанием.

Уклонившись от этого пути, с'езд сделал столь же бесплодной положительную часть своей работы, как и критическую. С'езд последовательно отверг предложение „большевиков“ о постановке сейчас же после отчетов пунктов об „обострении экономической борьбы и современном моменте“ и о „задачах пролетариата в современный момент“, затем предложение поляков поставить сюда пункт о „роли и задачах пролетариата в настоящий момент“ и поставил на 8 место этот пункт в суженном, касгрированном виде—вопроса о безработице, стачках и локаутах. Тут произошло странное, но очень характерное недоразумение. С'езд под руководством „м-ков“ отверг предложение „б-ков“ и „поляков“ за их, будто бы, абстрактность и теоретичность, из-за стремления, не тратя времени на эти абстракции, перейти к вопросам конкретной политики. Сколько произнесено было на эту тему хороших слов и горячих речей. В действительности основной тенденцией этих предложений было именно стремление *окунуть* с'езд в самую глубь движущих экономических сил российской революции, приблизить с'езд к интересам масс. И если это стремление получило внешнюю форму „теоретических“ вопросов, то это лишь еще раз подтверждает неизбежную для с.-д. политики связь вопросов самой конкретной действительности с самыми основами марксистской теории. И если этому стремлению „большевиков“ был на с'езде противопоставлен со стороны „м-ков“ подчеркнутый практицизм, и если из этого практицизма ничего практического не вышло,

а вышло только то, что с'езд не обсуждал ни теоретических, ни практических вопросов, т.-е. конкретных вопросов пролетарской борьбы, то это лишь подтверждает старое наблюдение над оппортунизмом, который противопоставляет теории практику для того, чтобы обесплодить теорию и обессилить практику.

Этим об'ем „положительной“ работы с'езда был сразу сужен, перспектива ближайших задач и взаимоотношений форм пролетарской борьбы сразу нарушена, и, что еще характернее, в этой нарушенной перспективе перед с'ездом не оказалось ни одного конкретного, насущного вопроса, который стал бы осью и нервом дальнейших работ с'езда. Область вопросов чисто-политических, область лозунгов была исчерпана в отчете и резолюции о Г. Думе, которая и споров-то почти не возбудила, вопросы же социально-экономические были отброшены; в центр всей работы с'езда был выдвинут вопрос о возможных комбинациях на той политической арене, которая отражала прошлое российской революции, а не ее будущее, а ко времени возвращения делегатов и совсем отошла в историю ¹⁾. Да, в этом оппортунизм, обессиливая с'езд, праздновал свою пиррову победу.

С'езд топтался на месте потому, что центром его работ была та комбинация общественных элементов, которая создавалась на почве Думы, думского периода российской революции, а вопрос о жизнеспособности

¹⁾ Речь идет о II Гос. Думе, которая была распущена как раз к моменту возвращения делегатов с'езда.

этой комбинации, об интересах пролетариата относительно нее, о настоящем и будущем специфически пролетарской борьбы — были отброшены за свою „теоретичность“. Практика — эта Дума, теория — это задачи и борьба пролетариата, — вот как стояло дело на взгляд оппортунистов, имевших еще настолько силы, чтобы заставить с'езд топтаться на этой почве. Но история мстит, и когда оппортунисты вернулись домой, они нашли свою „практику“ поверженной в прах, а то, что они отослали в область теории, единственным конкретным вопросом российской действительности. Может быть, теперь они находят уже, что, только поставив с'езд на рельсы тех вопросов, которые были выдвинуты революционным крылом партии, они приняли бы посильное участие в действительно-важной, единственно-жизненной работе.

Вот та общая картина работ с'езда, которая позволяет сказать, что с'езд был „шагом на месте“. Но как бы то ни было, с'езд отражал партию, с'езд обсуждал и принял 2—3 важных и очень серьезных резолюции; и с той, и с другой точки зрения его важно изучить. К этому мы и переходим.

2. Состав с'езда.

Это был первый с'езд Р.С.-Д.Р.П., на котором она была представлена целиком, во всех своих частях. На с'езде присутствовало 302 делегата решающими голосами, представлявшие около 150 тысяч членов партии. Из этого количества у большевиков

и меньшевиков было приблизительно по одинаковому количеству делегатов—по 87, С.-Д. Польши и Литвы располагала 45—47 голосами, Бунд 53—25 и С.-Д. Латышского края—26.

Силы обоих крыльев с'езда—оппортунистического и революционного—были приблизительно равны. Меньшевики в общем действовали в союзе с Бундом и незначительной частью латышской делегации (6—8); большевики в союзе с С.-Д. Польши и Литвы и с большей частью латышей.

Когда колеблющейся части наших союзников в атаках большевиков чуждились „фракционные“ интересы, или когда оказывалось для них возможным увидеть в наших спорах с меньшевиками элементы чисто-организационные или личные—известная часть их шла на поддержку меньшевиков и помогала им отбивать наши атаки. Так было при голосованиях: резолюции об участии некоторых видных меньшевиков в буржуазной прессе, резолюции по поводу отчета ЦК, резолюции по поводу отчета думской фракции, при определении состава нового ЦК.

В вопросах же политических, общих, большевики всегда не только могли рассчитывать на твердость своих союзников, на единство всего революционного крыла с'езда, но им довольно часто удавалось получить голоса отдельных делегатов правого центра.

И только один раз меньшевикам удалось об'единить вокруг резолюции (раньше им удавалось об'единять лишь вокруг отказа от всяких резолюций) большинство с'езда—в вопросах о партизанских выступлениях,

где самая постановка вопроса заставила большевиков воздержаться от голосования.

Кроме этой резолюции, все остальные приняты с'ездом в духе революционного крыла социал - демократии, которое в этих вопросах действительной политической важности располагало большинством от 71 голоса (в вопросе о рабочем с'езде) до 53 (в вопросе об отношениях к непролетарским партиям, являвшемся как раз основным нервом фракционной полемики последнего времени).

Меньшевики собирали вокруг себя большинство лишь тогда, когда центру казалось необходимым защитить меньшевиков от большевистских свирепых атак, и когда ему *казалось*, что эти атаки диктуются чисто фракционными интересами большевиков. На самом деле, это большинство, само того не замечая, защищало лишь кружковые интересы руководящих кругов партии, ставших в противоречие с интересами самостоятельной классовой политики пролетариата. На этом пути-то большинство (в 9—14 голосов, не больше), которое иногда удавалось собрать вокруг себя меньшевикам, лишь обесплодило, насколько могло, критическую работу с'езда и сузило постановку практических вопросов вне-думской борьбы в связи с современным моментом и классовыми задачами пролетариата.

3. Споры и резолюции.

После сильно затянувшихся прений о порядке дня, который был охарактеризован мною выше,

с'езд перешел к отчету ЦК. Доклад, прочитанный от имени ЦК, имел целью дать защиту той позиции, на которой стояли меньшевистская фракция и ЦК. Фактически же это было обвинительным актом против большинства партии, которая не приняла и не одобрила ни одного лозунга ЦК. Перед с'ездом прошли надежды ЦК на Думу и попытки его связать пролетарскую борьбу с этой Думой, как целым, лозунги „ответственное министерство“ и „за Думу, как орган власти, созывающий учредительное собрание“, попытки *вызвать* народное движение после разгона Думы и, наконец, политика соглашения с кадетами и отвержение идеи „левого блока“... Это была история непрерывной борьбы ЦК с партией, и потому не было ничего удивительного, что доклад заканчивался пессимистическими указаниями на то, что „партия влачит жалкое существование рядом с массовыми, открытыми организациями“. Этот пессимизм был естественным отражением растерянности ЦК, ибо партия жила и работала не по его указке.

Другим выводом доклада было соображение о том, что „лишь деятельность партии среди пролетариата вне политической области может восполнить наш неуспех в области политической“. Докладчик ЦК, видимо, не замечал, что эти слова были лишь плохо сформулированным обвинением всей деятельности ЦК.

Разбору по существу эта политика ЦК подверглась в речи тов. Ленина. Он характеризовал эту тактику, как ведущую к подчинению самостоятельной

политики социалистического пролетариата—политике либеральной буржуазии, наглядно показывая, как эта тактическая линия вела в целом ряде случаев не только к подмене революционных лозунгов социал-демократической, пролетарской партии оппортунистическими, антиреволюционными лозунгами буржуазной оппозиции, но и иногда и к попыткам нарушения тех частей нашей программы, которые являлись помехой для составления общенационального блока. В вопросе о „конфискации земли“, о „передаче всей земли народу *без выкупа*“ делались ЦК попытки ради „единства оппозиции“ нарушить партийную программу.

Целый ряд ораторов из среды центра (П. С.-Д., Бунд), как на разборе общей позиции ЦК, так и на анализе его отдельных шагов лишь подтверждали эти общие соображения лидера большевиков. И лишь один товарищ из Бунда, оговорившись, что вина ЦК не в том, что он был *меньшевистский*, а в том, что он был „скверный“ меньшевистский ЦК, попытался оправдать его тем, что это была „осажденная крепость“. ЦК, „осажденный“ партией! Не говоря уже о том, что этого рода защита была слишком похожа на обвинение, эта картина вызвала целый ряд данных, которые явно показали, как в проведении своей, отвергаемой партией линии ЦК не стеснялся ни автономией местных комитетов, ни даже прямым нарушением единства партийных организаций.

Большевики внесли в президиум резолюцию, содержащую в себе точное и ясное перечисление

установленных в речах целого ряда ораторов ошибочных шагов ЦК, которую мы здесь и приводим, чтобы дать сумму обвинений, выдвинутых против ЦК на с'езде.

Вот эти пункты:

1) Центральный Комитет отступил от постановления объединительного с'езда, что выразилось, главным образом,—а) в провозглашении лозунгов „ответственного министерства“ и „борьбы за Думу, как орган власти“, б) в попытках отказаться от требования конфискации земли без выкупа и заменить его требованием отчуждения земли, в) в тактике соглашений с контр-революционной либерально-монархической буржуазией во время избирательной кампании, г) в тактике соглашения с той же буржуазией в Гос. Думе и в отказе от углубления и обострения конфликтов и противоречий в Думе и вне Думы, д) в нарушении партийного единства, как это было в Петербурге и других местах.

2) По существу деятельность ЦК во многом не соответствовала классовым интересам пролетариата, что особенно ясно выразилось—а) в перечисленных выше отступлениях от постановления объединительного с'езда, приводящих не только к отказу от независимой тактической позиции пролетарской партии, но отчасти даже к отступлению от партийной программы, б) в недостаточной отзывчивости ЦК на важные проявления пролетарской борьбы, локауты и целый ряд подобных фактов, в) в том, что в своей практической, организационной, осведомительной

деятельности ЦК не был высшим практическим центром партии, а лишь представителем одной ее части“.

У меня нет сейчас под рукой резолюций, внесенных другими делегациями, но характерно, что настроение съезда по отношению к деятельности ЦК было настолько ясно выражено, что меньшевики даже и не попытались внести резолюции с выражением одобрения бывшему ЦК.

По этому пункту порядка дня воздержание товарищей поляков и голосование всего Бунда и части латышской делегации с меньшевиками дало возможность последним отклонить принятие какой бы то ни было резолюции. Партия лишена, таким образом, официального мнения своего съезда о политической работе высших учреждений партии, официально выступавших от ее имени.

VII заседание съезда началось отчетом думской фракции, представленной на съезде официальной делегации и несколькими отдельными частями (Церетелли, Зурабов, Джапаридзе, Г. Алексинский и др.).

Принципиальные основы политики думской фракции были те же, что и у ЦК, который и являлся ее руководителем. Но ее своеобразное положение, в качестве единственной открытой организации партии, запертой в подполье, и специфические условия работы на почве Думы сделали из нее, быть может, наиболее яркое представительство российского оппортунизма и того течения социал-демократии, которое ищет основ своей тактики в нелепом

противопоставлении идеи „общенациональной“ борьбы -- классовой позиции социалистического пролетариата.

Отчет фракции, представлявший собой перечисление и мотивировку наиболее важных шагов в жизни фракции, сопровождался соображениями на счет тактики пролетариата в буржуазной революции¹⁾.

Эти коротенькие соображения заключались в том, что в 1789 г. пролетариат принимал участие в революции, как один из элементов буржуазной нации, еще не выделившийся в особый класс, а в 1848 г. этот пролетариат, „отвергши обще-национальную политику“, потерпел поражение: „красный призрак самостоятельного выступления пролетариата отбросил буржуазию от революции“. И из этого-то „исторического опыта“ докладчик выводил основы тактической позиции российского пролетариата в 1906—1907 г.г. Сплочение обще-национального движения должно быть целью политики пролетариата,—говорил докладчик и на целом ряде фактов из жизни

¹⁾ С докладом от имени фракции выступал на съезде меньшевик Ир. Церетелли. Дальнейшая роль Церетелли, в качестве руководителя Петроградского Совета и члена Временного Правительства Керенского, известна и не нуждается здесь в напоминании. Следует только отметить, что *все основы предательской роли Церетелли в 1917 г. уже даны в его позиции 1907 г. и в частности в той речи, которая разобрана мной в тексте.* Разоблачение и борьба с г. Церетелли (и с меньшевиками вообще) в 1907 году была предвосхищением той борьбы, которую рабочим пришлось вести с этими господами в 1917 году, хотя тогда никто еще не мог предвидеть глубины падения г. Церетелли и его политических единомышленников.

Франции иллюстрировал... как с.-д. оппортунисты искали линии „единой оппозиции“. Для связи этих общих положений с конкретной российской действительностью служило положение, что кадеты, представляя классы и группы, еще неудовлетворенные в своих интересах, являются партией оппозиционной, с которой у партии пролетариата имеется общая почва. Опираясь именно на эти соображения, докладчик защищал метод общих совещаний всей оппозиции. Однако, эти совещания, ничего не давая, только связывали крайние левые фракции¹⁾. Но оппортунисты, поставившие своей задачей на думской арене демонстрировать солидарность с.-д. с либерализмом, практиковали эти совещания, не останавливаясь даже перед тем, что, идя к кадетам, они попали к „народовцам“, которые были с'ездом охарактеризованы, „как организация контр-революционных элементов польского общества“, „сознательный и непримиримый враг пролетариата и социал-демократии“.

Защищать совещание с подобными группами было трудно, но и здесь наши парламентские дипломаты нашли выход: оказалось—с одной стороны,—что „народовцы также грязны, как и всякая другая буржуазная партия“, а с другой,—что „народовцы, будучи у себя дома реакционными, в русских делах—конституционны“. Эти аргументы годились более

¹⁾ Подробности см. книжку И. Степанова и К. Левина. Деятельность второй Г. Думы. Москва, 1907, стр. 29. Книжка вышла накануне с'езда.

или менее для того, чтобы не вносить семейных раздоров в ту „семью оппозиционных партий“, о которой говорил докладчик, но эта своеобразная оценка политических партий звучала странно на с'езде, где было достаточное все-таки количество марксистов.

Как вопрос об общих совещаниях и народныхцах, так и вопрос о президиуме решался „меньшевистским“ большинством думской фракции соображениями о „единстве оппозиции“ во что бы то ни стало. Во имя этого „единства“ фракция не только голосовала за кадетского председателя, но и воспретила некоторым добивавшимся этого права большевикам-депутатам воздержание при голосовании. Для защиты голосования у докладчика, даже после вполне выяснившегося характера политического поведения г. Головина не нашлось других аргументов, кроме соображений о необходимости для социал-демократов усилить авторитет кадетского председателя, как представителя всего оппозиционного дела Думы и *связать* г. Головина своим голосованием. Мы знаем теперь как использовал г. Головин свой авторитет представителя „всей“ оппозиции, и кто, кого и с кем связал¹⁾. Во всяком случае частицу „авторитета“ бывшего председателя Гос. Думы и часть ответственности за его шаги взяла на себя та фракция, которая подавала за него голоса.

¹⁾ Намек на роль председателя II-ой Думы г. Головина и всей кадетской партии при выдаче с.-д. депутатов в руки Столыпина.

Разрыв с кадетами и вообще со всеми непролетарскими партиями в ответ на декларацию Столыпина и декларация с.-д. фракции—были предметом особой гордости т.т. меньшевиков, и докладчик сказал, что этим шагом фракции должны быть довольны и большевики, ибо, по его словам, на этом пункте меньшевики будто бы воплощали в жизни тактические планы большевиков¹⁾. Накануне этого заседания, говорил Церетели, социал-демократы употребили всю энергию на разоблачение на „общем совещании оппозиции“ непоследовательности кадетов и на отвлечение от кадетской „тактики молчания“ народнических прав.

Большевики тут же указали, что одним из условий неудачи социал-демократов в этой важной и первой попытке отвлечения левых групп от кадетской гегемонии было то, что эта попытка была *первой*, что с самого начала социал-демократы не только не противопоставляли себя кадетам так, чтобы это стало ясным для крестьянских депутатов, но сами, хотя бы тем же голосованием за кадета Головина, приучали серую думскую массу к мысли о важности об'единенных с кадетами действий. Меньшевики пожалели здесь то, что и посеяли: идея „единой“ оппозиции в руках кадетов стала орудием проти в социал-демократов.

¹⁾ Неправда ли, характерно! Первое *самостоятельное* выступление с.-д. фракции в Думе в устах оратора меньшевика получает название акта „большевистской“ политики. Мы можем гордиться...

Мы разоблачали непоследовательность кадетов,— говорит докладчик. Какими методами?—спрашивали большевики.

Кадеты в ответ на контр-революционную декларацию Столыпина предлагали молчать. Социал-демократы предлагали в ответ на декларацию правительства выступить с декларацией народных нужд. Крестьяне колебались. Оторвать их от кадетов в этом вопросе можно было, лишь противопоставив кадетскому молчанию голос действительных народных нужд. Если бы думская фракция с.-д. взяла на себя эту задачу формулировки народных требований и на этой почве вела борьбу с кадетами за крестьянских депутатов, ей легко удалось бы привлечь к себе крестьян. К сожалению, большинство фракции пошло по другому пути. Оно отвергло, как тему и задачу декларации, выставление „программных требований“, оно не хотело ввести в эту декларацию ни требования земли, ни требования воли. Все содержание декларации должно было быть исчерпано лозунгом „ответственного министерства“. В декларации так и было сделано: ответственное министерство—ее *единственный* политический лозунг. Крестьяне на это не пошли.

Вообще, декларация эта подверглась подробнейшему обсуждению. Во-первых, с точки зрения отсутствия в ней того элемента, который делал бы ее социал-демократической: социализма, вопроса о классовых задачах и стремлениях пролетариата, о самостоятельности пролетарской партии. Об этом

в социал-демократической декларации не было ни звука. Зато „единение оппозиции“ и ее лозунг „ответственное министерство“ были проведены и подчеркнуты во всей декларации. Это последнее было вторым пунктом обстрела.

И атака, и защита велись обычными аргументами, которые достаточно известны, чтобы их не воспроизводить еще раз здесь. Хотелось бы только отметить, что то отношение к программным речам, которое высказал докладчик и его товарищи („зачем читать всю программу всякий раз“), то противопоставление программы и „текущей работы“, которое должно было оправдать отсутствие социалистических элементов (программа) в декларации (текущая работа), встретили единодушное осуждение. И если ораторы из „центра“ готовы были видеть в декларации лишь ошибки „молодой“ неопытной фракции, то сама защита этих шагов со стороны меньшевиков должна была показать, как правы были большевики, которые видели во всем этом не случайную ошибку, а естественный и неизбежный результат мелко-буржуазных тенденций, стремления демонстрировать единство „всей оппозиции“.

Желание стоять на общей почве оппозиции, на почве демократии, а не социализма, особенно сильно сказалось в том пункте, где Церетелли и его товарищи пытались аргументировать свой *принципиальный* отказ от социалистической мотивировки бюджетной резолюции, внесенной с.-д. фракцией. Оказалось, что социалистическая мотивировка помешала бы

осуществлению поставленной задачи. Социалистическая мотивировка, говорили ораторы-меньшевики, привела бы нас к заявлению, что мы отказываем в бюджете всякому буржуазному государству, и тем был бы ослаблен наш удар по данному крепостническому государству и его бюджету. С другой стороны, социалистическая критика нашего бюджета ни для кого, кроме нас, с.-д., неприемлема и прозвучала бы даром, лишь расстроив ряды „единой оппозиции“.

Стремление сейчас же добиться непосредственного успеха, здесь же, на парламентской арене—привело вновь к тому, что социал-демократическая политика была заменена демократической.

С'езд не мог согласиться с этим приличествующим разве г-ну Струве утверждением, что пропаганда *социалистических* идей, что *социалистическая* критика могут каким бы то ни было образом обессилить борьбу с крепостническим государством. Все „глубокомыслие“ этого аргумента не могло быть воспринято с'ездом уже потому, что, несмотря на то, что социал-демократы отвергли социалистическую мотивировку, они все же не нашли поддержки у тех, на кого рассчитывали, как на демократов: перед с'ездом была несоциал-демократическая декларация социал-демократической фракции и факт передачи бюджета в комиссию всей Думой вопреки социал-демократам. Оставалось утешаться тем, чем пытался утешить с'езд т. Мартынов: если бы кадетское большинство отвергло резолюцию с.-д. из-за ее социалистических элементов,—говорил он,—то в этом

не было бы ничего удивительного, а теперь, когда кадеты отвергли *демократическую* резолюцию, нам легко разоблачать их непоследовательный демократизм. С'езд посмеялся над хитроумными кознями, построенными т. Мартыновым кадетам.

В речах целого ряда ораторов с'езд раз'яснил представителям думской фракции, что не стоит скрывать свой социализм ради привлечения кадетов, ибо кадет не идет за социал-демократом даже тогда, когда последний притворяется демократом. Но, видимо фракции нужен был наглядный урок, чтобы усвоить себе эту простую истину. Об этом уроке, преподанном кадетами, и рассказал докладчик в конце своего доклада. Дело шло об основном вопросе революции, о земле. Как известно, с.-д. добивались революционного решения вопроса путем конфискации помещичьих земель без оплаты. Кадеты стояли за наиболее выгодное для помещиков решение путем „принудительного отчуждения“ лишь части земель и за плату. „Мы условились с кадетами, жаловался Церетели с'езду, нападать сообща на правительство по линии „принудительного отчуждения“¹⁾, не критикуя друг друга, но кадеты, заручившись этим соглашением, напали в первой же речи Кутлера на социал-демократов“. Из чего получилось, что Кутлер „конфискацию“ критиковал, а социал-демократы... отстаивали кадетское „принудительное отчуждение“.

¹⁾ А как же „конфискация“, стоящая в программе? Да, так то „программа“, а то „текущая работа“... „сообща с кадетами“.

Но даже этот урок не помешал докладчику кончить заявлением о том, что кадеты по всем главным вопросам выступали совместно с „левыми“ ¹⁾, и найти оправдание для кадетов в общем ослаблении революции, отрицая с энергией, которую трудно было бы предположить в марксисте, всякое заподозривание кадет в боязни революционного движения пролетариата. Этим думал докладчик оправдать и себя.

После речи со-докладчика и после затянувшихся дебатов были внесены 4 проекта резолюций, вышедшие из среды б-ков, м-ков, С.-Д. Польши и Литвы и Бунда.

Проекты большевиков и поляков заключают в себе некоторые указания, которыми фракция должна была бы руководиться в своей дальнейшей деятельности, причем проект поляков заключает в себе только „директивы“, а проект большевиков, кроме того, и указания ошибочных шагов фракции.

Проекты меньшевиков и Бунда никаких указаний не делают и ограничиваются лишь приветствием фракции.

Исходивший из среды меньшевиков проект краток: „С'езд, выслушав отчет фракции, выражает ей доверие за энергичное и последовательное отстаивание интересов пролетариата и дела революции“.

¹⁾ На фактическую неточность этих слов было немедленно же указано. Из 23 наиболее важных голосований кадеты голосовали с с.-д. 3—4 раза, 17 же раз голосовали с правыми против левых.

Бунд прибавляет к этому признание, что „в деятельности с.-д. фракции были отдельные ошибки“.

Таким образом, указания на ошибочные шаги в том или другом виде даются всеми резолюциями (за исключением, конечно, меньшевистской). Точно сформулированы они в проекте большевиков: „Фракция,—говорит этот проект,—обнаружив в общем стремление быть достойной представительницей рабочего класса, не всегда, к сожалению, вполне последовательно проводила точку зрения пролетарской классовой борьбы, что проявилось: 1) в ошибочном голосовании социал-демократов за кадета в представители Думы, 2) в несоциалистической и нереволуционной мотивировке декларации, 3) в опущении социалистического обоснования бюджетной резолюции, 4) в усвоении буржуазно-либерального лозунга о подчинении исполнительной власти Госуд. Думе и в некоторых других случаях“..

Комиссия, которой поручено было с'ездом столкнуться на счет резолюции, предложила прежде всего обсудить спорный вопрос о том, должны ли быть сделаны вообще в данной резолюции какие-либо указания фракции для ее будущей работы.

Отказ с'езда сделать указания, на взгляд б-ков, поляков и части латышей, был бы новым самоустранением с'езда от такой работы, которой имела право требовать от него партия.

Делегация фракции перед самым голосованием внесла тут же оглашенное заявление в том духе, что принятие в резолюции каких бы то ни было

директив заставит известную ее часть „подать в отставку“. Что это значило—бог весть, но действие свое это возымело.

К концу с'езда была без прений принята резолюция, признающая, что „в общем и целом“ фракция стояла на страже интересов пролетариата и революции.

В связи с вопросом о думской фракции с'ездом была принята резолюция „о национальном вопросе в Думе“, рекомендующая фракции более внимательно отнестись к этому вопросу, и резолюция „о народной демократии“, которая обращает внимание с.-д. фракции на необходимость беспощадного разоблачения черносотенной физиономии национал-демократов и причисляет эту партию и ее фракцию в Думе к тем группам, „с которыми с.-д. фракция не должна входить в какие бы то ни было переговоры и соглашения“.

Дебаты по вопросу „об отношении к непролетарским партиям“ были наиболее существенным моментом с'езда, а принятие по этому поводу резолюции самым серьезным его моментом. Эта резолюция навсегда останется в активе партии.

С'езд выслушал 4 докладчиков. Тов. Ленин в блестящей речи дал исторический очерк различных решений этого вопроса в среде российской социал-демократии и анализ роли различных классов в российской революции, на этом обосновав те наши формулировки, которые после целиком вошли в принятую резолюцию. Тов. Мартынов исходил в своей

формулировке из соображения об „общенациональной“ революции и ставил дальнейшее развитие ее в зависимость не от успеха борьбы пролетарской партии против гегемонии кадетов над мелкобуржуазной демократией, а от успехов „обще-национального“ сплочения.

Докладчик Бунда взял на себя трудную задачу примирить эти две точки зрения. Эта попытка была обрисована выше. Наконец, тов. Роза Люксембург в речи, которая с большим вниманием была выслушана всем съездом, подвергла критике воззрения, высказанные тов. Мартыновым, и рядом исторических справок по истории российского либерализма, с одной стороны, и истории отношений социал-демократии и самого Маркса к буржуазному либерализму, с другой, убедительно показала, что как теория, так и практика революционной социал-демократии требуют той формулировки нашего отношения к пролетарским партиям, которое было дано в проектах поляков и большевиков. Из последующих речей заслуживают упоминания речь тов. Троцкого, направленная как против воззрения меньшевиков на возможность „сотрудничества“ пролетариата с либеральной буржуазией в русской революции, так и против того „марксизма на вес“, образчики которого были даны оратором Бунда (Р. Абрамовичем), и речь тов. Плеханова, взошедшего на кафедру только для того, чтобы прочесть интересную цитату из Маркса, взамен более подробного выяснения своей точки зрения. Роль т. Плеханова на съезде была, кстати сказать

вообще—ролью человека, нашедшего точного выразителя своих взглядов в т. Мартынове и потому не дававшего себе труда самому рассказать о своих взглядах ¹⁾.

Мы не будем здесь излагать споров, вертевшихся вокруг оценки кадетов и народнических групп. Съезд после того, как т.т. поляки сняли свою резолюцию, положил „в основу“ большевистский проект. К этому проекту правое крыло съезда внесло до 70 поправок, из них до 35 приходилось на параграф о кадетях. Самая важная из них, *формулировавшая допустимость соглашений с партией к.-д. была отвергнута*, и весь пункт был затем принят с единственной чисто редакционной поправкой.

Был принят и пункт о народнических группах, после страстных дебатов, вызванных стремлением м-ков специально подчеркнуть реакционно-утопические элементы этих групп и, таким образом, провести в резолюции свою антиреволюционную и чисто кадетскую классификацию „*прогрессивной* городской и *отсталой* сельской буржуазии“. Тов. Ленин в своей речи вскрыл, что в данном случае подобное подчеркивание и подобная классификация фактически были бы борьбой против конфискационных стремлений крестьянской массы и переходом социал-демократии

¹⁾ Смысл этого замечания заключается в намеке на то, что Плеханов и 1905—7 г.г. стал единомышленником Мартынова, которого до раскола партии на большевиков и меньшевиков бешено критиковал, как типичного оппортуниста. Пр. к наст. изд.

на точку зрения левого кадета, стоящего *между* кадетизмом и трудовичеством. Этого кадета, говорил Ленин, тянет трудовичество, ибо оно политически-революционнее, и отбрасывает направо, к кадетизму — боязнь конфискации. В этом конфузном положении политического радикала — основа меньшевистской формулы. Но партия не может стоять на этой почве, которая, помимо воли, несмотря на ту или другую формулировку, объективно была бы для данной эпохи не осуждением утопической и реакционной идеологии интеллигентов народнических групп (она достаточно подчеркнута уже в большевистском проекте), а революционных, конфискационных тенденций массы крестьянства. После речи Ленина поправки меньшевиков были отвергнуты.

Отвержение указанных двух поправок, столь ясно вскрывавших позицию меньшевиков, показало, что в вопросе об отношении к непролетарским партиям съезд в громадном большинстве стоит на почве революционной социал-демократии. На этой резолюции большевики объединили вокруг себя все неоппортунистические элементы съезда, собрав $\frac{2}{3}$ его голосов. Победа революционного крыла была полная. Это настроение съезда было столь ясно, что м-ки не решились внести на съезд предварительно выработанный и отпечатанный ими (см. № 12 газеты „Нар. Дума“) проект резолюции, написав совершенно новый, представлявший большое улучшение сравнительно с тем принципом „комбинирования“

действий пролетариата с шагами не-пролетарских партий, который составлял *все* политическое содержание первого проекта.

В той же атмосфере поворота с'езда к принципам революционной социал-демократии обсуждался вопрос о „рабочем с'езде“.

К сожалению, на самом с'езде, на его официальных заседаниях вопрос этот не был поднят на высоту принципиальных дебатов и не связан с какими-либо практическими предложениями. И речь тов. Аксельрода, и речь т. Валерина ¹⁾ показали явственно, что „рабочий с'езд“ не вышел еще из стадии чисто интеллигентского обсуждения.

Большим недостатком речи Аксельрода, автора „рабочего с'езда“, было то, что о рабочем с'езде в ней не было почти ничего. Мы не знаем ничего—так можно было бы резюмировать речь Аксельрода—на счет рабочего с'езда, — когда он будет, откуда он придет, что принесет для партии?—Но мы надеемся на то, что „идея“ с'езда спасет нашу партию. Тов. Валерин, большевик, на эту „идею“ не надеялся и старательно доказывал, что до сих пор эта „идея“ фатально приводила к дискредитированию существующей партии. Отсутствие конкретной почвы для обсуждения „рабочего с'езда“, неумение связать эту „идею“ с текущей действительностью, чисто-лите-

¹⁾ Под псевдонимом Валерина на с'езде выступал покойный тов. Лейтайзен.

ратурный характер постановки этого вопроса у обоих докладчиков — сделали из этого вопроса — вопрос чисто-академический. Единственным практическим было в этих спорах общее признание того, что *агитация* за рабочий съезд до сих пор ничего, кроме дезорганизации партии и стирания границ между социал-демократизмом и анархо-синдикализмом, не дала.

Резолюция по этому вопросу, внесенная большевиками и принятая 165 голосами против 99, характеризует последовательно роль политической и экономической организации в пролетарской борьбе, признает необходимым использование в целях укрепления и развития этих основных форм организаций пролетариата других, стихийно-возникающих на фоне революционного под'ема форм об'единения рабочего класса и признает безусловно вредною для классового развития пролетариата агитацию за рабочий съезд, ибо, как говорит пункт 4 резолюции, — „идея рабочего съезда ведет по существу своему к замене социал-демократии беспартийными рабочими организациями длительного характера, а организационная и агитационная подготовка рабочего съезда неизбежно ведет к дезорганизации партии и содействует подчинению широких рабочих масс влиянию буржуазной демократии“...

Те же элементы съезда, которые об'единились вокруг большевистских предложений по рассмотренным выше вопросам, провели и резолюцию о „Гос. Думе“ и о „профессиональных союзах“, которая,

подтверждая резолюцию Стокгольмского с'езда, напоминает, кстати сказать, часто забывавшуюся, особенно тов. меньшевиками, задачу социал-демократии—„содействовать признанию профессиональными союзами идейного руководства с.-д. партии, а также установлению организационной связи с ней,—и о необходимости там, где местные условия позволяют, проводить эту связь в жизнь“.

Последней резолюцией была резолюция „о партизанских выступлениях“. Она зовет партию „на энергичную борьбу против этих последних“ и постановляет распускание „боевых дружин“. Для большевиков вопрос этот не был фракционным: среди них имелись и сторонники, и противники данной формы борьбы. Но резолюция, внесенная по этому вопросу сначала большевиками, а затем меньшевиками, Бундом, поляками и латышами совместно, была аргументирована таким образом, давала образчики „социологии“ такого типа, что ни один из большевиков-противников „партизанских выступлений“ не мог подать за нее свой голос. Часть большевиков воздержалась, часть голосовала против.

Наконец, выборы нового ЦК показали еще раз, как „центр“ понимает свою роль и задачи примиренчества. Кандидаты того крыла с'езда, которое определило все главные его резолюции, получили волею с'езда случайное преобладание лишь в один голос в том учреждении, которое должно было проводить в жизнь с'ездовские решения.

Опять перед глазами встала картина той игры, с описания которой я начал статью; после кратковременного проблеска с'езд *опять* *делал „шаг на месте“*.

4. На дорогу.

Революционное крыло с.-д-тии, преобладавшее на с'езде, пыталось уже на с'езде поставить партию на „новые рельсы“, и, до известной степени, в некоторые моменты ему удавалось это... Два принципа должны характеризовать этот путь: „самостоятельная классовая политика пролетариата“—во-первых, „партийность“—во-вторых. Тяжел ли этот завет для большевиков? Конечно, нет!

С момента выяснения тактических разногласий на каждом этапе партийного развития, с первого момента революционной бури большевизм боролся за выдержанную линию пролетарской политики.

Будучи у „власти“ в момент напряжения революционной борьбы, отброшенный в оппозицию в год шатаний и оппортунизма, „большевизм“ всегда боролся под знаменем партийности и единства партии. Провести в жизнь тот и другой принцип—нет, это не обуза для большевиков. Работая над этими задачами, большевизм работает над своей постоянной задачей.

Но сможет ли он выполнить эту задачу,—задачу, поставленную перед нами с'ездом? Увидим, и первым испытанием ему будет умение разобраться в той

гнетущей политической обстановке, которую встретил съезд, когда переступил российскую границу.

Революционная с.-д-тия в России знает теперь во всяком случае, что ее преобладание в партии диктуется не подъемом или упадком революционного настроения среди партийной массы, а упорной борьбой за выдержанность и самостоятельность пролетарской политики.

„Гнетущая политическая обстановка“, указанием на которую начинается статья и которая встретила возвратившихся с Лондонского съезда делегатов, создана была государственным переворотом 3-го июня 1907 г., сопровождавшимся роспуском Госуд. Думы, арестом социал-демократических депутатов Думы,—приговоренных к концу года к каторжным работам,—и изменением избирательного закона. Вслед за этим последовало внедрение военно-полевых судов и полный разгром рабочих организаций. Все эти меры контр-революции встретили лишь очень слабое противодействие со стороны ослабленного предшествующей борьбой пролетариата и знаменовали конец первой русской революции и полное торжество союза монархии, дворянства и крупной буржуазии, приветствовавшей переворот, во главе которого стал Столыпин. Революционные партии должны были перенести центр тяжести своей работы в подполье. Торжество монархии, подновленной союзом с октябристской буржуазией и поставившей ставку на „сильные“, кулацкие элементы деревни, сопровождалось широкой волной разочарования, ренегатства и отхода от революции в среде мелко-буржуазных партий. Среди кадетов на фоне общего поправления всей партии выделяется группа „Вех“ (Струве, Изгоев, Булгаков и др.), создающая идеологию сильной национальной монархической власти, правящей путем союза дворянства и промышленников. Среди эсэров выделяется группа „народных социалистов“ (Пешехонов, Мякотин и др.),

рвущая с идеей республики и аграрной революции. Меньшевизм, развиваясь по намеченному еще в разгар революции пути, превращается в ликвидаторство, хоронящее и революционную борьбу 1905 года и партию, и основные завоевания революционного марксизма.

Общим для всей этой волны является не только фактическое примирение с третье-июньской монархией и отказ от подготовки нового революционного наступления, но и резко отрицательное отношение к массовой революционной борьбе пролетариата и крестьянства в 1905 году. В форме критики революции 1905 г. и совершался, прежде всего, процесс „линияния“ бывших, революционных партий, их переход на почву контр-революции их „прощание“ с бывшими „иллюзиями“ и „увлечениями“. Реакционная, ликвидаторская, ренегатская „критика“ 1905 г. стала в 1908, 1909, 1910 г.г. признаком „хорошего тона“ и „политического разума“ не только для кадетов, но и для меньшевиков и эсэров. Г.г. Милюковы, Струве, Мартовы, Потресовы, Даны, Черновы и Савинковы дружно работали на этом поприще и в газетах, журналах, брошюрах и целых „исследованиях“ старались перешеголять друг друга.

Первой задачей большевиков при этих условиях было—рядом с текущей политической работой—разоблачить контр-революционный характер кадетской, меньшевистской и эсэровской „критики“ первой русской революции и вскрыть перед новым поколением пролетариев те великие уроки политической классовой борьбы, которые оставила по себе разбитая революция 1905 года. В эпоху полного внешнего торжества контр-революции и ренегатства в 1908—11 г.г. наша большевистская печать—на ⁹/₁₀ подпольная и нелегальная—уделяла этому вопросу, как и следовало, очень много места.

ЦЕНА 14 КОП

СКЛАД ИЗДАНИЙ:

Харьков, ул. Свободной Академии 5. Тел. 10—07.

Москва, Петровские линии 1/20. Тел. 3—01—09.